

ПОКА ТЫ НЕ ВСТАНЕШЬ

АНИТА РЕЙ

Анита Рэй

Пока ты не встанешь

«Автор»

2026

Рэй А.

Пока ты не встанешь / А. Рэй — «Автор», 2026

«Пока ты не встанешь» - психологическая драма в трёх актах о Клэр и её муже Матье. После аварии Матье прикован к постели, и жизнь Клэр подчиняется строгому распорядку: кофе, сваренный по счёту, блокнот с записями, визиты доктора, тишина дома на улице Бретоннери. Она заботится о муже самоотверженно, почти растворяясь в этой заботе. Матье почти не говорит, но постепенно начинает искать себя - через память, дневник и попытки понять, кем он был до болезни. Между супругами возникает напряжённое пространство, где любовь, нежность, усталость, страх потери и жажда свободы сплетаются в один узел. Это камерная история о памяти и вине, о зависимости и заботе, о том, как трудно различить желание спасти другого и желание удержать его рядом. Повествование чередует взгляд со стороны с дневниковыми записями, создавая тревожный и интимный портрет двух людей, которые по-разному пытаются выжить после катастрофы.

© Рэй А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Акт 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Пока ты не встанешь

Акт 1

Этот роман Я хочу снова посвятить самой лучшей девушке, которую я встречал. Я написал его специально для нее за 3 ночи, чтобы просто порадовать ее хорошей книгой.

Кофе и одеяло

1

Клэр проснулась за минуту до будильника. Она всегда просыпалась раньше - сначала тела, потом звука. Это было не привычкой, а чем-то более глубоким, похожим на инстинкт. Тело знало: пора. Тело помнило, что где-то рядом есть человек, которому нужно тепло, кофе, подушки, тишина. Тело поднималось раньше разума и начинало работать.

В доме было тихо. Только дождь шумел по черепице - ровно и мягко, как дыхание спящего. Он шел всю ночь и не собирался останавливаться. Клэр лежала на узкой кровати в гостиной, которую поставила себе сама, чтобы не мешать Матье ночью. Кровать была старая, с металлической спинкой, купленная на распродаже в Сен-Сир-сюр-Луар. Матрас провалился в одном месте, и Клэр всегда спала на левом боку, чтобы не чувствовать впадину под ребрами.

Одеяло сползло на пол. Она подняла его, сложила вдвое, села. Ноги коснулись холодного паркета. Она посидела секунду, прислушиваясь. Из спальни не доносилось ни звука. Матье спал. Это было хорошо. Это было лучшее время суток - когда он спал, а она могла думать о нем без помех.

За окном улица Бретоннери была мокрой и блестящей. Фонарь напротив дома еще горел, хотя небо посветлело. Его свет ложился на тротуар желтым пятном, и в этом пятне дрожали капли. Тур просыпался медленно. Где-то вдалеке, на набережной, загудел первый трамвай. Булочная на углу еще не открылась, но за витриной уже горела лампа - мадам Лефевр всегда приходила раньше всех. Клэр знала это, потому что иногда, в самые тяжелые ночи, она смотрела в окно и видела этот свет. Он был как якорь. Он говорил: мир еще здесь. Ты еще здесь.

Клэр надела халат, висевший на спинке стула. Халат был старый, синий, в мелкий цветочек, купленный на рынке в Амбуазе. Матье подарил его ей на Рождество три года назад. Он тогда сказал: "Он теплый, как ты". Она засмеялась и ответила, что она не теплая, она обычная. Он покачал головой и ничего не сказал. Он часто так делал - качал головой и молчал, как будто в этом молчании было больше правды, чем в любых словах.

Она вышла на кухню. Половицы скрипнули под ногами. Она знала, где какая скрипит, и ступала осторожно - третья от порога, седьмая у стола, потом сразу две подряд у раковины. Это была ее карта, ее маршрут, ее маленький ежедневный ритуал.

2

На кухне пахло вчерашним хлебом и лавандой. Лаванда стояла в маленькой вазе на подоконнике - Клэр собирала ее в июле на поле за городом, сушила в темной кладовке, а потом разложила по полотняным мешочкам. Один мешочек лежал в шкафу с бельем, другой - в ящике с крупами, третий - на подоконнике. Матье любил этот запах. Он говорил, что он напоминает ему детство, дом бабушки в Провансе, где на чердаке висели пучки трав и пахло так же - сухо, тепло, спокойно.

Она открыла ставни. Свет вошел серый, нерешительный, как гость, который не уверен, что его ждут. Дождь усилился. Капли стучали по жестяному отливу за окном, и этот звук был ритмичным, почти музыкальным. Клэр постояла секунду, слушая. Потом насыпала кофе в старую мельницу.

Мельница была деревянной, с металлической ручкой, потертой до блеска. Они купили ее на блошином рынке в первый год, когда только переехали в Тур. Матье тогда сказал: "Если мы будем молотить кофе вручную, каждое утро будет начинаться с усилия. А усилие - это хорошо. Оно напоминает, что жизнь не дается даром". Клэр тогда засмеялась и назвала его философом. Он обиделся, но не сильно. Потом они пили кофе на полу, потому что мебели еще не было, и он рассказывал ей про своего отца, который тоже молот кофе руками. Это была одна из тех ночей, когда она поняла, что любит его. Не за что-то. Просто любит.

Она провернула ручку двенадцать раз. Матье считал, что двенадцать - правильное число. Она никогда не сбивалась. Иногда, в минуты усталости, она думала: а что, если сделать одиннадцать? Что изменится? Но тут же отгоняла эту мысль. Двенадцать - значит двенадцать. В этом была какая-то опора. Как в молитве. Как в считалке. Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять, одиннадцать, двенадцать. И мир на месте.

Пока кофе варился, она нарезала багет тонкими ломтиками. Багет она покупала вчера вечером у мадам Лефевр - тот, что полежал ночь, становился чуть жестче, но в этом была своя прелесть. Он лучше держал масло. Она намазала три ломтика тонким слоем сливочного масла и один - абрикосовым вареньем. Варенье она варила сама в августе, когда абрикосы были дешевыми и сладкими. Матье любил абрикосовое больше всего. Он говорил, что оно напоминает ему солнце. Клэр всегда думала, что это глупость, но никогда ему не говорила.

Она подогрела молоко в маленькой кастрюльке. Молоко начало пениться по краям, и она сняла его с огня ровно в тот момент, когда пена стала подниматься к середине. Это тоже был ритуал. Если передержать - молоко убежит. Если недодержать - будет холодным. Она научилась чувствовать этот момент. Руки знали.

На подносе расставила все по местам: чашка справа, молочник слева, тарелка с хлебом по центру. Ложка лежала строго параллельно краю. Она поправила салфетку - сложила ее треугольником и положила под правый край тарелки. Потом отступила на шаг и посмотрела. Все было правильно. Все было как всегда. В этом тоже была опора.

Она взяла поднос и пошла в спальню. По дороге остановилась у зеркала в коридоре. Из зеркала на нее смотрела женщина сорока двух лет, с темными волосами, собранными в небрежный пучок, с бледным лицом и глубокими тенями под глазами. Она поправила прядь, выбившуюся из пучка. Потом подумала: зачем? И все равно поправила.

3

Матье спал на спине. Левая рука лежала поверх одеяла, правая была спрятана под ним. Лицо у него было спокойное, почти чужое. За три месяца после аварии он похудел, и скулы стали резче. Кожа на висках натянулась, и проступили вены - тонкие, голубоватые, как реки на карте. Клэр знала каждую из них. Она могла бы нарисовать его лицо по памяти, с закрытыми глазами. Иногда ей казалось, что она знает его лицо лучше, чем свое.

Клэр поставила поднос на тумбочку и тихо открыла шторы. Свет упал ему на лицо. Он поморщился, потом открыл глаза. Сначала в них не было ничего - просто мутная серость, как вода в стакане. Потом появилось узнавание. Потом - что-то похожее на улыбку.

- Bonjour, mon amour, - сказала она. (Доброе утро, любовь моя.)

- Bonjour, - ответил он хрипло. (Доброе утро.)

Голос у него был низкий, с трещинкой, как у человека, который долго молчал. Он редко говорил громко. С тех пор как это случилось, он вообще говорил мало. Клэр иногда думала: может, это к лучшему. Может, слова только мешают. Может, тишина - это тоже язык.

Она помогла ему приподняться. Он оперся на ее плечо, и она почувствовала, какой он легкий. Раньше он был тяжелым. Раньше он мог поднять ее на руки и кружить по комнате, пока она не начинала смеяться и просить пощады. Раньше его тело было плотным, теплым, живым. Теперь оно было как тень - почти невесомое, почти не здесь.

Она поправила подушки за его спиной, взбила их, потом опустила его осторожно, как вазу. Он закрыл глаза на секунду, потом открыл.

- Спасибо, - сказал он.

- Не за что.

- Я серьезно. Спасибо.

- Я знаю, что ты серьезно. Не за что.

Он посмотрел на нее долгим взглядом. В этом взгляде было что-то, чего она не могла расшифровать. Благодарность? Да. Нежность? Да. Но еще что-то. Что-то, что пряталось в глубине, как рыба под камнем. Она не стала спрашивать. Она никогда не спрашивала.

- Как спалось? - спросила она.

- Снилось, что я бегу, - сказал он. - Долго бегу. По набережной. Помнишь набережную?

- Помню.

- Там еще был тот старик с собакой. Который всегда кормил голубей.

- Он умер, Матье. Два года назад.

- А, - сказал он. - Жаль.

Он замолчал. Клэр взяла чашку и подала ему. Он взял ее обеими руками и держал долго, не пил. Пар поднимался ему в лицо, и на секунду его черты смягчились, как будто тепло вернуло ему что-то человеческое. Клэр села в кресло у окна. Она всегда садилась там, когда он завтракал. Ей нравилось смотреть на него в это время. Он был ее. Это было простое, почти животное чувство - он был ее, и она смотрела на него, как смотрят на огонь в камине. На что-то, что греет.

- Ты сегодня красивая, - сказал он.

- Я в халате.

- И все равно.

Она улыбнулась. Не потому, что было приятно - хотя было приятно тоже. А потому, что он сказал это так, как говорил всегда. Без усилия. Без желания понравиться. Просто сказал, и все.

Он отпил кофе и поставил чашку. Потом посмотрел на поднос и сказал:

- Ты опять не ела.

- Я поем позже.

- Ты всегда говоришь "позже".

- Потому что это правда.

Он покачал головой, но не стал спорить. За три месяца он научился не спорить с ней по утрам. Утро было ее территорией. Он это понимал. Он вообще многое понимал. Иногда ей казалось, что он понимает больше, чем говорит. Что он видит ее насквозь. Но он молчал. Он всегда молчал.

Она встала, взяла с полки книгу и вернулась в кресло. Это был Мопассан, "Милый друг". Они читали его уже неделю, по несколько страниц в день. Матье слушал с закрытыми глазами. Иногда он останавливал ее и просил перечитать фразу. Иногда он смеялся. Чаще он просто лежал и дышал. Дыхание у него было ровное, чуть слышное. Она ловила этот звук, как ловят радио волны - слабый, но живой.

- "Жорж Дюруа вышел на улицу, - начала Клэр. - Вечер был теплый, и на бульварах пахло..." - Она запнулась. - Ты слушаешь?

- Слушаю.

- Ты не слушаешь. Ты думаешь о чем-то другом.

- Я думаю о том, как хорошо, что ты здесь.

Она замолчала. Потом продолжила читать. Дождь стучал по стеклу. Где-то внизу проехал грузовик. Матье закрыл глаза. Через десять минут его дыхание стало ровным. Клэр дочитала абзац до конца, потом закрыла книгу и положила ее на подлокотник. Обложка была потертая,

уголки загнулись. Эта книга была у них давно. Она не помнила, откуда она взялась. Может, из букинистической лавки на улице Кольбер. Может, от кого-то из друзей. Может, она была здесь всегда.

4

Она подошла к кровати. Он спал. Губы у него были чуть приоткрыты. На щеке остался след от подушки - красная полоса, которая медленно бледнела. Она наклонилась и поцеловала его в лоб - долго, медленно, как целуют детей. Потом поправила одеяло, подоткнула край. Простыня была прохладной на ощупь. Она провела ладонью по краю, разглаживая складку.

- Dors, mon bon, - прошептала она. (Спи, мой хороший.)

Она выключила лампу. В комнате стало сумрачно, только серый свет из окна. Клэр вернулась в кресло и села. Она не взяла книгу. Она не стала пить остывший кофе. Она просто сидела и смотрела на него.

Дождь не кончался. Он шел ровно, без порывов, как будто решил остаться здесь навсегда. Клэр смотрела на мужа и думала о том, какой он был раньше. Как он смеялся на кухне, когда она разбила тарелку. Как он держал ее за руку в аэропорту, когда они летели впервые в жизни. Как он сказал ей однажды вечером на набережной: "Je ne savais pas qu'on pouvait vivre comme ça." (Я не знал, что можно так жить.) Она помнила эту фразу. Она помнила ее каждый день. Иногда она повторяла ее про себя, как молитву. Je ne savais pas qu'on pouvait vivre comme ça. Я не знал, что можно так жить. Он сказал это ей. Ей.

За окном проехала машина. Свет фар скользнул по стене и исчез. Матье спал. Клэр сидела в кресле и смотрела на него с нежностью. Такой глубокой, что она сама не могла ее измерить. Она думала: вот он, мой человек. Он здесь. Он дышит. Он никуда не уйдет.

Она просидела так час. Может, больше. Время в такие моменты текло странно - то останавливалось, то проваливалось. Она смотрела на его руки. На его пальцы, длинные и тонкие, которые когда-то рисовали чертежи, а теперь лежали неподвижно. На его плечи, которые когда-то держали ее, а теперь были просто костями под кожей. На его лицо, которое когда-то смеялось, а теперь было спокойным, как у человека, который видит сон.

Потом она встала, поправила одеяло еще раз и вышла на кухню. Надо было готовить обед. Надо было звонить доктору Морелю. Надо было жить дальше.

Она помыла чашку, вытерла ее и поставила в шкаф. Потом открыла холодильник и достала курицу. Курица была холодная, скользкая. Клэр положила ее на доску и взяла нож. Руки у нее были спокойные. Лицо тоже. Она начала резать.

Врачи и анализы

1

Клэр проснулась в шесть. За окном было еще темно, только узкая полоса света на горизонте - серо-розовая, как внутренняя сторона раковины. Дождь кончился ночью, и теперь было тихо. Слишком тихо. Клэр лежала секунду, прислушиваясь к этой тишине, потом встала.

Сегодня должен был прийти доктор Морель. Он приходил раз в две недели, всегда по средам, всегда в десять. Клэр знала его расписание наизусть. Она знала, что он пьет кофе без сахара, что у него артрит в правом колене, что он любит собак, но не держит их, потому что жена против. Она знала это не потому, что спрашивала. Она просто запоминала.

Она умылась холодной водой. Посмотрела на себя в зеркало - долго, внимательно, как смотрят на чужое лицо. Потом собрала волосы в пучок, надела серую блузку и темную юбку. Не потому, что хотела выглядеть красиво. Просто доктор Морель был старый школы, и Клэр знала, что он оценит аккуратность. Она всегда одевалась для него так. Это была маленькая хитрость, о которой она сама не догадывалась.

На кухне она приготовила кофе - двенадцать оборотов, как всегда - и выпила его стоя, у окна. Улица Бретоннери просыпалась. Мадам Лефевр открыла булочную и выставила на тротуар корзину с багетами. Прошел сосед с собакой. Мальчик на велосипеде проехал, звеня. Клэр смотрела на это и думала: мир идет своим чередом. Мир не знает, что в этом доме кто-то болеет. Мир вообще мало что знает.

Она достала блокнот. Этот блокнот был ее вторым мозгом. В нем были записаны все вопросы к доктору Морелю, все симптомы, все дозировки. Она листала страницы, проверяя, не забыла ли чего. Сон - беспокойный, три ночи подряд. Аппетит - снижен. Боль в левом бедре - усилилась к вечеру. Головокружения - дважды, оба раза утром.

Она перечитала список. Потом перечитала еще раз. Потом закрыла блокнот и убрала его в ящик.

В спальне Матье уже проснулся. Он лежал с открытыми глазами и смотрел в потолок.

- Bonjour, - сказала она.

- Bonjour, - ответил он. - Сегодня ведь среда?

- Да. Доктор Морель придет в десять.

- А. - Он помолчал. - Ты выглядишь как на экзамен.

- Я и есть на экзамене.

Он слабо улыбнулся.

- Ты всегда все контролируешь, - сказал он.

- Кто-то же должен.

Она помогла ему умыться. Принесла тазик с теплой водой, полотенце, мыло с лавандой. Он мыл лицо медленно, как будто каждое движение требовало усилия. Она стояла рядом и держала полотенце. Потом он вытерся, и она помогла ему надеть чистую рубашку. Рубашка была светло-голубая, его любимая. Она специально выбрала ее. Чтобы он чувствовал себя человеком, а не пациентом.

- Ты думаешь, он скажет что-то новое? - спросил Матье.

- Надеюсь.

- Я тоже.

Он взял ее за руку. Пальцы у него были холодные. Она накрыла его руку своей и держала, пока не пришло время идти.

2

Доктор Морель пришел ровно в десять. Он всегда приходил ровно. Это был мужчина лет семидесяти, с седыми усами и глубокими морщинами у глаз. Он носил старомодный портфель из коричневой кожи и пах табаком, хотя давно не курил. Клэр открыла ему дверь и провела в спальню.

- Bonjour, madame, - сказал он. (Добрый день, мадам.)

- Bonjour, docteur.

Он кивнул Матье.

- Comment ça va, monsieur? (Как дела, месье?)

- Comme ci, comme ça, - ответил Матье. (Так себе.)

Доктор Морель сел на стул у кровати. Он был стар, но двигался уверенно. Клэр стояла в изголовье, чуть позади. Она всегда стояла там. Ей казалось, что так она может видеть и мужа, и доктора одновременно.

Осмотр длился двадцать минут. Доктор проверил рефлексы, измерил давление, послушал сердце и легкие. Он попросил Матье сжать его пальцы, потом разжать. Потом поднять левую ногу, насколько получится. Матье поднял ее на десять сантиметров. Доктор кивнул.

- Bien, - сказал он. (Хорошо.)

Клэр держала мужа за руку. Она делала это каждый раз. Ей казалось, что через руку она передает ему силу. Может, так и было. Может, сила передается именно так - не словами, а теплом ладони.

- Есть вопросы? - спросил доктор, закрывая портфель.

Клэр открыла блокнот.

- Сон беспокойный. Три ночи подряд. Это нормально?

- Нормально. Мозг восстанавливается. Сны - часть процесса.

- Аппетит снижен.

- Тоже нормально. Главное - пить достаточно воды.

- Боль в левом бедре усилилась к вечеру.

Доктор задумался.

- Это может быть мышечная реакция. Продолжайте массаж, который я показал. И не давайте ему напрягаться.

- А реабилитация? - спросила Клэр. - Можно ли увеличить нагрузку?

Доктор покачал головой.

- Пока нет. Слишком рискованно. Мышцы атрофированы. Если перегрузить - можно получить обратный эффект. Терпение, мадам. Терпение.

Клэр кивнула. Она записала в блокнот: "Реабилитация - отложить. Терпение".

Матье смотрел на нее. В его взгляде была гордость. Так смотрят на человека, который говорит за тебя, потому что ты сам не можешь.

- Она у меня молодец, - сказал он доктору.

- О, я вижу, - ответил доктор Морель. - Вам очень повезло, месье. Такая жена - это редкость.

Клэр смутилась. Она всегда смущалась, когда ее хвалили. Это было искренне. Она не умела принимать похвалу. Она умела только работать.

Доктор встал.

- Я приду через две недели. Продолжайте в том же духе. И отдыхайте, мадам. Вам тоже нужен отдых.

- Я отдохну, когда он встанет, - сказала Клэр.

Доктор посмотрел на нее внимательно. Потом кивнул и вышел.

3

После ухода доктора Клэр принесла Матье его любимый чай - вербену с медом. Он взял чашку и держал ее, как всегда, обеими руками. Клэр села в кресло.

- Ты слышал? - сказала она. - Терпение.

- Я слышал.

- Это значит, что мы продолжаем.

- Это значит, что я продолжаю лежать, а ты продолжаешь все делать одна.

Она посмотрела на него.

- Не говори так.

- Это правда.

- Правда в том, что ты поправишься. А остальное не важно.

Он отпил чай. Потом поставил чашку и сказал:

- Я готов хоть завтра начать. Я хочу встать. Я хочу ходить. Я хочу вернуться на работу. Я хочу...

Он замолчал. Клэр ждала. Он не договорил. Он часто не договаривал.

- Я знаю, - сказала она тихо.

Она встала и села на край кровати. Взяла его руку.

- Мы справимся, - сказала она.

Он кивнул. Она держала его руку долго, чуть дольше, чем нужно. Ей не хотелось отпускать. В его руке было что-то, чего не было в словах. Что-то настоящее.

4

Днем они смотрели фотографии. Клэр достала старый альбом - тот, что лежал в шкафу, на верхней полке, за коробкой с зимними свитерами. Альбом был тяжелый, с кожаной обложкой, потертой по углам.

Она открыла первую страницу. Матье на велосипеде, лет двадцать пять, волосы длинные, рубашка расстегнута.

- О боже, - сказал он. - Убери.

- Нет.

- Я выгляжу как идиот.

- Ты выглядишь как человек, который был счастлив.

Он помолчал. Потом сказал:

- Я и был.

Она перевернула страницу. Их свадьба. Маленькая, в мэрии Тура. Клэр в простом платье, Матье в костюме, который ему был велик в плечах. Они смеются. Оба смеются.

- Ты и тогда была красивой, - сказал он.

- Я и сейчас красивая.

- И сейчас.

Она перевернула еще страницу. Отпуск в Биаррице. Он держит ее на руках, она босиком. Море за ними.

- Помнишь? - спросила она.

- Помню. Ты тогда сказала, что хочешь остаться там навсегда.

- Я и сейчас хочу.

- Мы вернемся.

- Вернемся.

Он взял ее руку и поднес к губам. Поцеловал - медленно, как будто целовал что-то хрупкое. Она почувствовала, как кровь прилила к щекам. Она покраснела. Как девочка. Сорок два года, а краснеет как девочка.

5

Вечером Матье заснул рано. Клэр укрыла его, поправила одеяло, выключила лампу. Потом пошла на кухню.

Она села за стол. Достала блокнот. Открыла на чистой странице. Поставила дату. Написала: "Сказать доктору, что Матье стал хуже спать. Попросить успокоительное".

Она посмотрела на эту запись. Потом перечитала. Потом закрыла блокнот и убрала его в ящик.

Она сидела минуту, глядя в стену. Потом встала и пошла в спальню. Матье спал. Дыхание было ровное, чуть слышное. Она постояла в дверях. Смотрела на него. На его лицо, на его руки, на его грудь, которая медленно поднималась и опускалась.

Она подошла. Села в кресло. И осталась там.

Дождь снова начался - тихий, ровный, как дыхание. Клэр сидела в кресле и смотрела на мужа. Она думала о том, что завтра надо позвонить мадам Дюбуа, договориться о массаже. Что надо купить хлеб. Что надо полить цветы на подоконнике. Что надо жить дальше.

Она думала об этом и смотрела на него. И в ее взгляде не было ничего, кроме нежности.

Друзья и семья

1

Прошла неделя. Доктор Морель приходил во вторник, а в субботу должны были приехать друзья - Люк и Софи. Они давно хотели навестить Матье, но Клэр все откладывала: то он устал, то ему нездоровится, то врач не рекомендовал. Теперь она решила, что пора. Матье сам попросил. Он сказал: "Я хочу видеть людей. Не только тебя и доктора". Она согласилась. Ей было немного тревожно, но она не показала вида.

Утро субботы началось как обычно. Клэр встала в шесть. За окном было ясно - впервые за много дней. Небо было бледно-голубым, без единого облака, и свет ложился на стены иначе, чем в дождь. Резче. Требовательнее. Клэр надела халат и вышла на кухню.

Она приготовила кофе - двенадцать оборотов. Выпила стоя, у окна. Мадам Лефевр уже открыла булочную, и в витрине горел свет. Прошел сосед с собакой. Мальчик на велосипеде проехал, звеня. Клэр смотрела на улицу и думала: сегодня все должно быть хорошо. Сегодня все будет хорошо.

Она достала блокнот. На чистой странице написала: "Обед - курица с картофелем. Салат. Пирог. Вино для гостей. Вода для Матье. Не давать ему уставать. Следить за временем". Она перечитала. Потом закрыла блокнот и убрала в ящик.

В спальне Матье уже проснулся. Он лежал с открытыми глазами и смотрел в потолок. Клэр подошла и села на край кровати.

- Bonjour, - сказала она. (Доброе утро.)

- Bonjour, - ответил он. - Сегодня суббота?

- Да. Приедут Люк и Софи.

- Я помню.

Он помолчал. Потом сказал:

- Я волнуюсь.

- Почему?

- Не знаю. Может, потому что они увидят меня таким.

- Каким?

- Беспомощным.

Клэр взяла его руку. Пальцы у него были холодные.

- Ты не беспомощный, - сказала она. - Ты поправляешься.

- Это одно и то же.

- Нет. Это не одно и то же.

Он посмотрел на нее. Долго. Потом слабо улыбнулся.

- Ты всегда знаешь, что сказать.

- Я не знаю. Я просто говорю то, что думаю.

Она помогла ему умыться. Принесла тазик с теплой водой, полотенце, мыло с лавандой. Он мыл лицо медленно, как будто каждое движение требовало усилия. Она стояла рядом и держала полотенце. Потом он вытерся, и она помогла ему надеть рубашку в клетку - ту, что он носил до аварии. Рубашка была ему велика в плечах, но он все равно улыбнулся, когда увидел ее.

- Ты специально? - спросил он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.